

Человек и природа.

- 301. Как Вы понимаете выражение «жить в гармонии с природой»? (декабрь 2014)
- 302. Природа и внутренний мир человека: созвучие и диссонанс. (декабрь 2014)
- 303. Что мешает человеку обрести гармонию с природой? (декабрь 2014)
- 310. Почему картины зимы так интересны писателям? (декабрь 2014)
- 341. Что может дать человеку общение с природой? (декабрь 2014)
- 345. Почему тема весны так популярна у писателей? (декабрь 2014)
- 348. Почему в литературе так часто изображают небо и звёзды? (декабрь 2014)
- 350. Почему в литературе так часто изображают море и горы? (декабрь 2014)
- 351. Человек и природная стихия (декабрь 2014)
- 106. Когда хочется остановить мгновение? (декабрь 2015)
- 321. Как мир человеческих чувств соотносится с временами года? (февраль 2015)
- 322. Почему тема времён года так интересна писателям? (февраль 2015)
- 326. Времена года в литературе: кто из авторов Вам ближе и почему? (февраль 2015)
- 329. Человек и «братья наши меньшие» в литературе. (февраль 2015)
- 347. Почему мир природы часто противопоставляют миру людей? (2014)
- 303. Что мешает человеку обрести гармонию с природой? (декабрь 2016)
- 509. Каково отношение современного человека к природе? (апрель 2020)

Философские и социальные проблемы

- 305. Может ли природа помочь человеку понять себя? (декабрь 2014)
- 306. Способна ли природа воспитывать человека? (декабрь 2014)
- 307. Способна ли природа давать подсказки человеку? (декабрь 2014)
- 308. Чему человек может научиться у природы? (декабрь 2014)
- 309. Как природа помогает понять мир человеческих чувств? (декабрь 2014)
- 311. Что Вас волнует больше: красота природы или красота, сотворённая человеком? (декабрь 2014)
- 344. Согласны ли Вы с утверждением Э.М. Ремарка: «Когда человек одинок, он начинает присматриваться к природе»? (декабрь 2014)
- 349. Случайно ли «природа» и «Родина» – однокоренные слова? (декабрь 2014)
- 327. Человек – хозяин природы или её часть? (февраль 2015)
- 328. Почему природа – вечный источник вдохновения для писателей? (февраль 2015)
- 330. Может ли общение с природой обогатить человека? (февраль 2015)
- 331. Почему общение с природой важно для человека? (февраль 2015)

Тезисы

- Природа – это удивительная вещь. Многие поэты и писатели не только вдохновлялись и восхищались ею, и описывали ее в художественных целях, чтобы показать степень влияния окружающего мира на личность.
- Природа сильно влияет на человека: она закаляет или расслабляет характер, определяет менталитет народов, создает или разрушает условия для жизни.
- Природа всегда вдохновляет человека, дарит ему ощущение красоты и гармонии с миром.
- Красивый пейзаж мотивирует личность к новым достижениям и победам, поэтому люди так любят выезжать к морю и любоваться горными вершинами.
- Созерцание природы успокаивает нервы и позволяет найти утешение в красоте окружающего мира.
- Природа родного края навсегда остается в сердце человека, ведь он отождествляет себя с нею.
- Природа влияет на человека, ведь создает его настроение: в солнечный день нам хочется веселиться и гулять, а в дождливую погоду — мечтать и думать о наболевшем.
- Оставшись наедине с природой, человек может понять себя и найти ответы на все интересующие вопросы. В этом и заключается ее влияние.
- «Благая природа так обо всем позаботилась, что повсюду ты находишь чему учиться» Леонардо да Винчи.
- «В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинён ей» Георг Гегель.
- «Природа бесстрастна к человеку; она не враг и не друг ему; она то удобное, то неудобное поприще для его деятельности» Николай Чернышевский.
- «Природа приятный наставник, и даже не столько приятный, сколько осторожный и верный» Мишель Монтень.
- На ранних этапах развития любого государства (во времена язычества), природу анимировали, сопоставляли ее явления с различными богами. Например, в греческой мифологии была Эос — богиня утренней зари. Хлоридой называли богиню цветов и садов, Немезидой – богиню радуги. А самой древней была богиня земли – Гея. Считалось, что природа полностью контролирует жизнь человека, ведь от ее милости зависело его существование.

Тезисы

- Человечество – только малая часть планеты, которая поражает колоссальным разнообразием своих ландшафтов, омывается огромными водоемами-океанами, населена бесчисленным количеством живых существ.
- Лозунг «Человек — царь природы» в корне не верен. Мы – неотъемлемая, но далеко не доминирующая часть природы, к которой, к огромному сожалению, мы относимся зачастую не просто потребительски, а преступно, не задумываясь о последствиях своих же действий.
- Меркантильные интересы крупных корпораций или отдельных лиц, потребительское отношение к ресурсам природы, их злоупотребление и почти бесконтрольное загрязнение окружающей среды не могут не привести к губительным для экосистемы последствиям, что безусловно отражается на жизни природы и человека как её части.
- Вырубка лесов в разных уголках мира, от сибирской тайги до лесов Амазонии, которая приводит к изменению климата в регионах, массовой гибели многочисленных живых существ, из-за уничтожения их среды обитания — это проблема экологии, которую необходимо решать здесь и сейчас, а не перекладывать на плечи потомков.
- Тотальное загрязнение экосистем продуктами нефтепереработки и промышленными отходами окружающей среды уже стало банальной темой, частые разливы нефти в результате аварий танкеров, губительное и не до конца изученное влияние техногенных катастроф на атомных электростанциях – всё это результат абсолютно неприемлемого отношения человечества к природе и как следствие, за конец 20-го и начало 21-го века в разных регионах мира, возникают небывалые раньше стихийные бедствия, например смерчи и цунами возникают в таких регионах планеты, в которых их появление раньше считалось невозможным. Несмотря на это, человечество учится выживать и возрождаться даже после самых разрушительных бедствий: от ужасных засух до уничтожающих всё на своём пути ураганов, землетрясений и наводнений.
- «Давным-давно жил-был... мир, полный чудес. Люди называли планету Землей – так же, как и почву у себя под ногами, дарующую своим обитателям всё, что необходимо для жизни. И люди, не задумываясь, пользовались этими щедрыми дарами. Они жадно отбирали у Земли её чудеса. Они портили и разрушали до тех пор, пока не добрались до самого сердца планеты. А когда спохватились, было уже поздно – они полностью разграбили свой мир, не оставив ничего». Д. Бертанья «Водный мир».

Аргументы

«Отцы и дети», И.С. Тургенев. Окружающий мир отражается на эмоциональном состоянии человека. Это доказывает пример из романа «Отцы и дети». В третьей главе Аркадий возвращается домой после длительного отсутствия. Скучная и неприглядная природа родного края привела его в уныние. Всюду он видел жиденькие леса, неровные поля, крошечные пруды с худыми плотинами, обрывы берега речек, серость и морось. «Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными» — резюмирует автор. Смотря на это, Аркадий впал в хандру. Он не знал, как привести все это в порядок, что делать с этими бедными и некрасивыми пейзажами, где не было месту той романтике, которую воображает всякий горожанин перед поездкой в деревню. Однако весна немного преобразила этот печальный вид, и постепенно Аркадий оживал, глядя на признаки скорого пробуждения края. Как мы видим, настроение героя определяет пейзаж, его окружающий. Таково влияние природы на человека.

«Степь», А.П. Чехов. Природа во многом определяет менталитет людей, живущих наедине с ней. Так, в рассказе «Степь» читатель видит широкие и необъятные степи, которые раскинулись на сотни километров. Пейзажи в этих местах не радуют разнообразием и пестротой, но они величественны и по-своему красивы. Так и характеры героев, местных жителей, поражают монументальностью и «размахом души». Тот же Христофор едет сбывать шерсть, но не для себя, а для того чтобы помочь зятю. Старик бросил все дела, направился в трудное путешествие, чтобы устроить дела молодой семьи и решить проблему. Его душа широка, непрактична и щедра, как степь. Христофор все готов сделать для других, игнорируя подчас свои нужды и интересы. Вот так природа отражается на ментальности человека.

«Евгений Онегин», А.С. Пушкин. Многие отечественные авторы утверждали, что люди, которые живут на лоне природы, ближе к истинным ценностям и духовным богатствам, чем те, кто предпочитает городскую среду. Так, Пушкин в романе в стихах «Евгений Онегин» демонстрирует эту взаимосвязь на примере сравнения Татьяны и Евгения. **Татьяна выросла в деревне и часто гуляла среди первозданной красоты полей и лесов. Поэтому она вела себя естественно и прямо, не старалась претворяться кем-то другим и кому-либо подражать. Она стала цельной натурой. А Евгений рос в городе, на природе бывал мало, поэтому впитал искусственность и показную пышность столицы.** Он все время равнялся на других и притворялся даже наедине с собой. Поэтому он, в отличие от Татьяны, не понял, в чем заключается его счастье, и потерял свой шанс. А Татьяна даже в городе не разучилась говорить правду и жить по естественным законам. Она живет в гармонии с собой. Таково влияние природы на личность и ее жизненные установки.

«Бедная Лиза», Н.М. Карамзин. Многие писатели доказывали, что природа оказывает на человека благотворное воздействие: учит его быть естественным, непорочным и разумным, как и весь окружающий мир. Она воспитывает в личности стремление к честному труду и созиданию. Например, главная героиня повести «Бедная Лиза» всю жизнь прожила в деревне. **Каждый день она находилась на лоне природы, в окружении лесов и лугов. Благодаря влиянию окружающего мира девушка была сама собой, не играла чувствами и не притворялась той, кем не является. У Лизы сформировались правильные жизненные ценности.** Превыше всего она ставила любовь, верность и семью. Щедрая природа давала ей возможности зарабатывать деньги честно и жить в гармонии с собой. **А вот городской повеса Эраст был испорчен цивилизацией и отказом от мудрости природы. Он не умел себя обеспечить, был лжив и зависим от материальных благ, которые не мог создать сам.** Поэтому он обманул и отверг Лизу, а сам остался несчастным на всю оставшуюся жизнь из-за ложных ценностей и приоритетов. Как мы видим, влияние природы сказывается на человеке: она возвышает личность и дает ей правильное моральное развитие.

«Олеся», А.И. Куприн. Природа учит человека мудрости и нравственности, ведь показывает пример системы, где все упорядочено и справедливо. Мы убеждаемся в этом, читая повесть «Олеся». Главная героиня живет в окружении лесов и болот и вдали от цивилизации. **Казалось бы, она должна быть неразвитой и даже отсталой, ведь не имеет образования и взаимодействия с обществом. Но Олеся по своему уму превосходила деревенских девушек и даже многих городских. Знания она черпала из естественной среды. Она стала первооткрывателем многих трав и снадобий, пока многие другие барышни жили чужим умом и ничего не создавали. Находясь наедине с экосистемой, где жили в мире и гармонии тысячи живых существ, Олеся познала основы морали, искаженную версию которой людям навязывали проповедники.** Так, героиня выступала против бессмысленного насилия на охоте, где человек убивал ради забавы. Она же не одобряла брак, который обязывает людей быть вместе, даже если их чувства остыли. Все эти нравственные правила она усвоила, глядя на законы природы в действии. Ее пример позволяет убедиться в том, что окружающий мир, несомненно, влияет на личность положительно.

«Не то, что мните вы, природа...», Ф.И. Тютчев. В XVIII-XIX веках природе не уделялось столько много внимания, она не имела такого значения, как для древнего человека. Но необходимо вспомнить о таком литературном движении, как «чистое искусство», главной целью которого было искусство ради искусства: описание природы, ее явлений, восхищение всем окружающим. Главными представителями этого движения были А.А. Фет и Ф.И. Тютчев. Вспомним стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...». В нем автор утверждает, что умение воспринимать и ценить природу неразрывно связано с чуткостью и отзывчивостью человека. Если личность глуха и слепа по отношению к окружающему миру, то она равнодушна даже к «голосу матери родной». Значит, именно природа учит нас любви и эмпатии, делая нас более чувствительными и участливыми.

Не то, что мните вы, природа...

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик...
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык... Вы зрите лист и цвет на древе:
 Иль их садовник приклеил?
 Иль зреет плод в родимом чреве
 Игрою внешних, чуждых сил? Они не видят и не слышат,
 Живут в сем мире, как впотьмах!
 Для них и солнцы, зная, не дышат
 И жизни нет в морских волнах!
 Лучи к ним в душу не сходили,
 Весна в груди их не цвела,
 При них леса не говорили
 И ночь в звездах нема была!
 И языками неземными,
 Волнуя реки и леса,
 В ночи не совещалась с ними
 В беседе дружеской гроза!
 Не их вина: пойми, коль может,
 Органа жизнь глухонемой!
 Увы, души в нем не встревожит
 И голос матери самой!

«Война и мир», Л.Н. Толстой. Природу писатели часто использовали в качестве средства отображения внутреннего мира героев, что говорит о духовном родстве людей и окружающего мира. Значит, именно природа сделала человека таким, каков он есть, и в этом выражается ее влияние. Для того чтобы проиллюстрировать данный тезис, обратимся к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», а точнее к эпизоду «Болконский и дуб». Когда Андрей Болконский, разочаровавшийся в войне, Наполеоне и даже в самом себе, ехал по делам, он увидел огромный старый дуб с корявыми и неуклюже несимметричными ветками. Дерево стояло на краю дороги, в одиночестве. В данном случае дуб ассоциируется с самим героем: оба они отстранены от всего мира, оба потерянные, разочарованные, со своими «болячками». Несмотря на то, что весна украшала все вокруг, дуб стоял обособленно, «хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно». Он, как и Болконский, не хотел подчиняться окружающему миру, не хотел видеть всю его красоту. Князь Андрей был уверен, что жизнь его уже кончена, и он «должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая». Но Толстой все-таки показал, что Болконский был не прав своих убеждениях, что надо продолжать жить, несмотря на все трудности. Князь Андрей проникается новой любовью, он внутренне преображается, наполняется. Состояние души героя Толстой иллюстрирует на этом же дереве: при второй встрече дуб был «весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени».

«Гроза», А.Н. Островский. Не стоит забывать и о драме Островского с «природным» названием «Гроза». В данном произведении природа сопутствует кульминации произведения. По ходу развития действия и отношений между героями собирались тучи, слышался гром. Такое нагнетание подводит читателя к кульминации, заставляет его переживать и подогревает интерес. В тот момент, когда Катерина кинулась с обрыва, разразилась гроза. Именно это природное явление сигнализирует читателю о важности события, о его высочайшей эмоциональной точке. Как гром и дождь освежают воздух, очищают все вокруг, так и поступок Катерины сбросил маски с окружающих и разрядил накопленное напряжение. Эта параллель природного явления с человеческим и общественным заставляет нас задуматься о том, что именно законы окружающего мира управляют нашей личной жизнью, задают ей тон. Все, что мы делаем, обусловлено естественными закономерностями мира, где мы живем.

«Гой ты, Русь, моя родная», С.А. Есенин. Картинами русской природы богаты произведения С. Есенина. Именно в его стихотворениях полностью раскрывается красивый и многогранный русский пейзаж. В произведении «Гой ты, Русь, моя родная» Есенин описывает родину со всей душой, со всей любовью. Только в России есть безбрежные, золотые поля, везде пахнет молоком и медом, и «на лугах гудит веселых пляс». Не хотел бы герой жить и в раю: «Дайте родину мою», — заявляет он. Удивительно, насколько точно Есенин передает русский колорит благодаря природе. В творчестве поэта с темой природы тесно связана и тема бренности жизни, ее скоротечности. Есенин не раз отмечает, что каждый в этом мире, мире всемогущей, прекрасной природы, странник, гость. Человек, как и природа, расцветает, но все-таки он не вечен, и в конце его ждет смерть. Этим он подчеркивает влияние окружающего мира на личность и ее путь: как часть природы, человек подчиняется ее законам, переживает все естественные процессы, которые вложены в него с самого рождения.

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

М.Цветаева «Тоска по Родине». Революция стала сложным периодом в жизни русского дворянства и интеллигенции. Можно считать, что Марине Цветаевой повезло – после революции она осталась жить в своём доме в Москве, правда это было больше похоже на выживание. Судьба безмолвной поэтессы, которую нигде не печатают и которая нигде не выступает, казалась ей ещё горше всех наказаний. Она осталась одна с дочерью, долго искала мужа, эмигрировавшего вместе с белой армией после её разгрома в Гражданской войне. Найдя его в Праге, в 1922 году Цветаева уезжает к нему, однако жизнь на чужбине также её не радовала. Чехия на три года стала для них домом, потом пришлось переехать во Францию, где было много русских эмигрантов, издавались журналы и книги. Цветаева тосковала по России. Поэтическим выражением её ностальгии стало стихотворение “Тоска по родине! Давно...”, написанное в 1934 году.

В нём выражена мысль, что на чужбине она чувствует себя чужой, бездомной и, скрывая это, пронзительно хочет вернуться. Спустя пять лет мечта воплотилась в реальность: в 1939 году Цветаева действительно приехала в СССР, однако уже спустя два года покончила с собой. И кажется, что предчувствие этого выражено уже в стихотворении “Тоска по родине!

Тоска по родине!..

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где — совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично, на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно;
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...1934 г.

В.Шукшин «Солнце, старик и девушка».

Дни горели белым огнем. Земля была горячая, деревья тоже были горячие.

Сухая трава шуршала под ногами. Только вечерами наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место — у коряги — и смотрел на солнце. Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное. Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях — коричневые, сухие, в ужасных морщинах. Лицо тоже морщинистое, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

— Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

— Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал;

— Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

— Можно, я вас буду писать? — спросила девушка.

— Как это? — не понял старик.

— Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красноватыми веками без ресниц.

— Я ж некрасивый теперь, — сказал он.

— Почему? — Девушка несколько растерялась. — Нет, вы красивый, дедушка.

— Вдобавок хворый.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладошкой его сухую, коричневую руку и сказала:

— Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо усмехнулся:

— Рисуи, раз такое дело.

Девушка раскрыла свой чемодан.

Старик покашлял в ладонь:

— Городская, наверно? — спросил он.

— Городская.

— Платют, видно, за это?

— Когда как, вообще-то. Хорошо сделаю, заплатят.

— Надо стараться.

— Я стараюсь.

Замолчали.

Старик все смотрел на солнце.

Девушка рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку.

— Вы здешний, дедушка?

— Здешний.

— И родились здесь?

— Здесь, здесь.

— Вам сколько сейчас?

— Годков-то? Восемьдесят.

— Ого!

— Много, — согласился старик и опять слабо усмехнулся. — А тебе?

— Двадцать пять.

Опять помолчали.

— Солнце-то какое! — негромко воскликнул старик.

— Какое? — не поняла девушка.

— Большое.

— А-а... Да. Вообще красиво здесь.

— А вода вона, вишь, какая... У того берега-то...

— Да, да.

— Ровно крови подбавили.

— Да. — Девушка посмотрела на тот берег. — Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине — между рекой и горами — тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго — тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полыхать заря.

— Ушло солнышко, — вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так — слушали, как лопочут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими клочьями пополз туман.

В лесочке, неподалеку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

— Хорошо, — сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернется скоро в далекий милый город, привезет много рисунков. Будет портрет и этого старика. А ее друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: «Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..»

Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! «Надо работать, работать, работать...»

— Вы завтра придете сюда, дедушка? — спросила она старика.

— Приду, — откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел еще немного и тоже пошел.

Он пришел домой, сел в своем уголке, возле печки, и тихо сидел — ждал, когда придет с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо. Садись ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку — старался не шуметь. Молчали.

Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в горницу. Молчали. А о чем говорить? Все слова давно сказаны.

На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу, у коряги. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

— Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много — четырех. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живет, в Бийске. Прорабом на новостройке. Пишет; ничего, справно живут. Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много, любят меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала.

— Трудно было жить? — невпопад спрашивала она.

— Чего ж трудно? — удивлялся старик. — Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

— Сыновей жалко?

— А как же? — опять удивлялся старик. — Четырех таких положить — шутка нечто?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

— Ненастье завтра будет, — сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо:

— Почему?

— Ломает меня всего.

— А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

— Вы придете завтра, дедушка?

— Не знаю, — не сразу откликнулся старик. — Ломает чего-то всего.

— Дедушка, как у вас называется вот такой камень? — Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

— Какой? — спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

— Такой? — спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих, скрюченных пальцах. — Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чем говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

— На... камешек-то, — сказал он и протянул девушке камень. — Они еще не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А бывают: яичко и яичко — не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож — с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов, — синенькие, тоже с рябинкой с такой.

Девушка все смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

— Вы где живете, дедушка?

— А тут не шибко далеко. Это Ивана Колокольников дом, — старик показал дом на берегу, — дальше — Бедаревы, потом — Волокитины, потом — Зиновьевы, а там уж, в переулочке, — наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, дак у нас шибко весело было.

— Спасибо.

— Я пошел. Ломает меня.

Старик поднялся и пошел тропинкой в гору.

Девушка смотрела вслед ему до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шел медленно и смотрел под ноги. «Нет, не слепой, — поняла девушка. — Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришел на берег. Девушка сидела одна, думала о старике, что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце — оно тоже просто встает и просто заходит, — думала девушка. — А разве это просто!» И она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришел старик и на третий день и на четвертый. Девушка пошла искать его дом. Нашла.

В ограде большого пятистенного дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти обстругивал на верстаке сосновую доску.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провел большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул:

— Здорово.

— Скажите, пожалуйста, здесь живет дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

— Жил, — сказал мужик. — Вот домовину ему делаю.

Девушка приоткрыла рот:

— Он умер, да?

— Помер. — Мужик опять склонился к доске, шаркнул пару раз рубанком, потом посмотрел на девушку. — А тебе чего надо было?

— Так... я рисовала его,

— А-а. — Мужик резко зашаркал рубанком.

— Скажите, он слепой был? — спросила девушка после долгого молчания.

— Слепой.

— И давно?

— Лет десять уж. А что?

— Так...

Девушка пошла из ограды. На улице прислонилась к плетню и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нем. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

Ю.Яковлев «Разбуженный соловьями».

Когда в лагере говорили «Селюженок», ребята усмехались в предчувствии новых происшествий, а для взрослых это слово звучало, как сигнал тревоги и предвестник неприятностей. Этот сигнал-предвестник начинал звучать с самого утра и не утихал до отбоя. Во всех уголках лагеря только и слышалось:

— Селюженок, заправь койку!

— Селюженок, вымой уши!

— Селюженок, перестань барабанить ложкой по тарелке!

— Селюженок, куда ты спрятал журнал?

— Селюженок, если ты не выйдешь из воды, больше не будешь купаться до конца смены!

Какие только грозные предупреждения и сердитые возгласы не следовали за словом «Селюженок»! За неделю лагерной жизни на него был истрачен годовой запас восклицательных знаков.

У Селюженка круглая голова, подстриженная под машинку, а уши торчат в стороны, как ручки сахарницы. Худое лицо всегда измазано сажей, или какой-нибудь краской, или просто грязью неизвестного происхождения. Селюженок маленький и хрупкий: ткнешь пальцем — он и упадет. Походка у него легкая и бесшумная, словно он не идет, а крадется. Как это такое хлипкое существо может доставлять людям столько неприятностей!

Худой, большеголовый, прыткий, он похож на огромного головастика. И взрослые считают, что с годами из него выйдет порядочная жаба.

Лицо у Селюженка непроницаемое.

Слова не то что отскакивали от него, как горох, они как бы проходили насквозь, не оставляя никаких следов. Когда мальчика ругали, он не морщился, не дергал плечом и не опускал глаза — он улыбался своим мыслям. Взрослым казалось, что мальчишка насмехается над их словами. Они теряли самообладание, надрывали голоса.

Но Селюженок был надежно защищен от их гнева своей невозмутимостью.

Чаще всего Селюженок молчал. Это был надежный способ самообороны. Но если он и выдавливал из себя слово, то его ответы были односложными, лишенными настоящего смысла.

— Ты зачем взял у Брусничкиной зубную щетку?

— Просто так.

— У тебя что, нет своей щетки?

— Есть.

— Так зачем тебе вторая щетка?

— Просто так.

После разговора с Селюженком даже самые уравновешенные люди стучали кулаком по столу и хлопали дверями. У этого дурного мальчишки была удивительная способность нагнетать в людях злость, портить настроение и доказывать взрослым, что у них не в порядке нервы.

Селюженок тащил все, что плохо лежало. Он хватал ленточки для кос, карандаши, носовые платки, перочинные ножи. Он был похож на сороку, которая несет в свое гнездо ненужные для нее вещи. Сорочьим гнездом была тумбочка Селюженка. Нет, он никогда не ел чужие сладости и не присваивал деньги. Все, что попадалось ему в руки, оставалось без всякого применения и не приносило ему никаких благ.

Никто не знал, что творится в душе у этого маленького колючего человечка. Нельзя было определить, весел он или печален, доволен жизнью или обижен. Он был всегда одним и тем же. С его лица не сходила глуповатая, лишенная всякого смысла улыбка. Он был неразрешимой загадкой, задачкой, которая никогда не сходится с ответом. Взрослые махнули на него рукой и мечтали поскорей дожить до конца смены, чтобы навсегда избавиться от него. Ребята подсмеивались над Селюженком, когда он им досаждал, но, в общем, относились к нему терпимо. А малыши, завидя его, весело кричали:

— Селюженок-медвежонок! Селюженок-медвежонок!

Селюженок не сердился и не щелкал малышей по выпуклым лбам.

Он улыбался. И они принимали его улыбку за чистую монету. Да так оно, возможно, и было.

Чашу терпения взрослого населения пионерского лагеря переполнил случай с пластилином. В один прекрасный день руководительница изокружка обнаружила, что в студии пропал большой кусок зеленого пластилина: весь запас кружка лепки. Сомнений не было: это мог сделать только Селюженок.

Расстроенная Татьяна Павловна в отчаянии прибежала к начальнику лагеря.

— Так больше нельзя! — быстро заговорила она, и лицо ее покрылось красными пятнами. — На прошлой неделе он вылил весь скипидар. Теперь пластилин! Надо что-то делать!

Татьяна Павловна не назвала имя похитителя пластилина, но начальник лагеря безошибочно определил, о ком шла речь.

— Позвать Селюженка! — крикнул он дежурному, и настроение его сразу стало портиться.

Через несколько минут на пороге кабинета уже стоял виновник очередного происшествия. Он стоял молча и смотрел на начальника невидящими глазами, словно начальник был прозрачным и мальчик видел сквозь него спинку стула.

— Селюженок! — В голосе начальника лагеря звучали недобрые нотки. — Что ты молчишь? Отвечай, зачем ты взял пластилин?

— Я не брал, — спокойно ответил Селюженок.

— Покажи руки.

Мальчик охотно протянул руки.

— Разожми кулаки.

Селюженок разжал кулаки.

— Поверни ладошками вверх.

Селюженок выполнил и эту команду.

— Смотри! У тебя все руки в пластилине.

— Это не пластилин.

— А что это?

— Это грязь.

— Ах вот оно что! Грязь. Завтра же я отправлю тебя в город.

Ясно? — И, не дожидаясь ответа, начальник лагеря, в котором все внутри уже клокотало, почти крикнул: — Иди!

Селюженок спокойно повернулся и как ни в чем не бывало зашагал к двери.

— Селюженок!

Мальчик остановился и повернулся к начальнику.

— Я тебя в последний раз спрашиваю: ты брал пластилин?

В этом вопросе не было никакого смысла. Все было ясно. Просто начальнику хотелось добиться признания. Селюженок молчал. Он стоял перед разгневанным начальником и следил глазами за жирной блестящей мухой, которая, проворно шевеля проволочными лапками, ползла по стене. В эту минуту у похитителя пластилина не было более важного дела.

— Иди! — закричал начальник.

Он был, в общем, не плохим человеком, но этот Селюженок пробуждал в нем зверя.

Селюженок попрощался глазами с мухой и направился к двери.

...Он спал крепко, как обычно спят люди с чистой совестью. Он ложился на правый бок, поджимал ноги, подворачивал под плечо одеяло, и не проходило пяти минут, как начинал легонько посапывать. Во сне он ничем не отличался от других ребят. Селюженок засыпал, и в лагере выключался источник беспокойства и неприятностей. Взрослые облегченно вздыхали. Откровенно говоря, они были бы счастливы, если бы Селюженок так и проспал до конца смены. Как спящая царевна.

Он спал на одном боку до тех пор, пока медный горн хриплым, словно со сна, голосом не пел подъем. Тогда Селюженок вскакивал на ноги и, как стрела, выпущенная из лука, устремлялся вперед, навстречу новым злоключениям.

В эту ночь, в нарушение всех правил, Селюженок вдруг проснулся.

Не тревожные думы подняли среди ночи похитителя пластилина. Он проснулся от свиста.

Мальчик повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

Свист не прекращался. Он, как пуля, пробивал тоненькое одеяло и не давал спать.

Селюженок сел на постели и огляделся. Никого рядом не было. Все ребята крепко спали. А свист не утихал. Это был не простой свист.

Если вложить в рот четыре пальца или сложить губы трубочкой, так не засвистишь.

Свист то замирал, то звучал с новой силой. В нем билась и клокотала картавая горошина. А порой слышалось частое пощелкивание, будто кто-то рубил свист на мелкие кусочки.

Это пели соловьи.

Селюженок рассердился на птиц, которые не давали ему спать. Он на ощупь отыскал брюки, натянул их и бесшумно подошел к окну.

В кармане лежал тяжелый камень. Селюженок зажал его в кулак и легко перемахнул через подоконник.

Соловьиный оркестр умолк. Теперь пел только один соловей.

К нему с камнем в руке шел Селюженок.

Звезд не было видно, и казалось, что в темноте небо опустилось и прилегло на землю.

Селюженок чувствовал на щеке влажное прикосновение неба и его ознобный холодок. Он вздохнул поглубже и весь наполнился свежестью. Это потому, что он дышал небом.

Осторожно переставляя босые ноги, мальчик с камнем в руке шел на соловьиный свист. Теперь соловей пел так громко, что было удивительно, как он не разбудил всех ребят. Селюженок

подошел к дереву и запрокинул голову. Напрягая зрение, он стал всматриваться в густые темные ветки. Соловей пел рядом, но его не было видно, словно он надел шапку-невидимку. Звуки падали из его горлышка чистыми, хрустальными каплями. И хотелось подставить руку, чтобы поймать хоть одну такую каплю. Поющие капли сливались в одну серебристую нить, которая тянулась к разбуженному мальчику.

Селюженок стоял под деревом затаив дыхание. Он забыл про камень и не шевелился, потому что боялся неосторожным движением порвать серебряную нить. Вокруг него было темное небо. Наверное, небо держится на звездах, как на гвоздях. А когда звезд нету, оно опускается на землю.

Он стоял до тех пор, пока краешек неба не стал светлеть. Соловей разбудил мальчика, а сам уснул. Но его свист все еще звенел в ушах, похожих на ручки сахарницы. Может быть, Селюженок выучил соловьиную песню наизусть и теперь напевает сам себе?

Селюженок обрадовался рассвету: теперь ему удастся хоть взглянуть на соловья. Но сколько он ни вглядывался в сплетение веток, увидеть соловья так и не смог.

Он вспомнил о камне и почувствовал, что камень в его кулаке потеплел и стал мягким. Он разжал кулак и удивился: это был вовсе не камень, а кусок зеленого похищенного пластилина. Остаток. Селюженок взвесил его на ладони и стал мять. **Пластилин стал совсем податливым. И мальчику неожиданно пришло в голову слепить соловья. Он принялся за дело. Сначала его пальцы были неловкими, деревянными, но постепенно потеплели, разошлись и стали передавать пластилину то, что им приказывал мальчик.**

Он лепил соловья таким, каким, ему казалось, должен быть исполнитель беспокойных ночных песен. Соловей оживал в руках мальчика. Он был зеленым. У него была узкая голова и большие распростертые крылья.

Селюженок посмотрел на соловья и улыбнулся. Ему показалось, что он сделал открытие — своими руками создал птицу-певца, и она молчит лишь потому, что время песен прошло и небо поднялось с земли высоко, до самых облаков.

Утром Селюженок появился в дверях художественной студии. Он робко переступил порог этого маленького пионерского храма искусств и лицом к лицу столкнулся с Татьяной Павловной. Увидев незваного гостя, Татьяна Павловна строго сдвинула брови и недовольно спросила:

— Селюженок? Что тебе надо?

Мальчик молчал. Он держал руку за спиной и смотрел в землю.

Ему ничего не нужно было. Он стоял и молчал.

— Ты пришел извиниться? — пыталась догадаться преподавательница рисования.

Селюженок покачал головой. Он пришел совсем за другим.

Татьяна Павловна пожала плечами. Она уже была готова взять маленького похитителя пластилина за плечи и вытолкать из мастерской, но тут Селюженок поднял глаза и протянул ей руку. В руке лежало какое-то странное существо с узкой головой и большими крыльями.

— Что это? — спросила Татьяна Павловна.

— Соловей, — ответил мальчик.

Татьяне Павловне захотелось засмеяться над этим зеленым уродцем. Но она сдержалась. Она взяла из рук мальчика его работу и стала ее внимательно рассматривать, словно искала в ней то, что было незаметно с первого взгляда. А Селюженок следил за каждым ее движением.

— Это твоя скульптура? — тихо спросила преподавательница.

— Это не скульптура, это соловей, — отозвался мальчик и, заглядывая в глаза Татьяне Павловне, робко спросил: — Что, не похож?

Татьяна Павловна испытующе посмотрела на мальчика и ответила:

— Похож! Очень похож! А ты видел соловья?

Селюженок запнулся. Сперва он по привычке решил соврать:

видел! Но потом ему захотелось сказать правду.

— Нет, не видел... Я слышал соловья.

— Слышал?

— Ну да, слышал. Сегодня ночью.

Татьяна Павловна все еще не могла разобраться, что же все-таки произошло с этим мальчиком, чье имя внушало всем лагерным работникам неприязнь. Но она догадалась, что ночные соловьи разбудили в душе мальчика нечто такое, о чем никто даже и не подозревал. Она сказала:

— Ты приходи, будешь учиться лепить.

Селюженок кивнул головой. И вдруг на его лице отразилась чуть заметная тень расстройства.

— Так пластилина-то нет, — сказал он.

— А мы будем лепить из глины.

Селюженок оживился.

— Глины я вам натаסקаю, — сказал он, — целую гору!

— Вот и хорошо, — подхватила Татьяна Павловна.

Уже уходя из мастерской, Селюженок вдруг обернулся и сказал:

— Только меня, наверное, выгонят.

Эти слова поставили Татьяну Павловну в тупик, но она быстро нашлась:

— Посмотрим. Может быть, еще не выгонят.

— Тогда приду, — сказал Селюженок. — И глины притащу.

Когда Селюженок, ушел, Татьяна Павловна взяла со стола зеленого уродца-соловья и направилась к начальнику лагеря.

— Что это? — спросил начальник лагеря, рассматривая скульптуру. — Что это за художество?

— Это соловей.

Начальник рассмеялся.

— Хорош соловей! Это зеленая ворона.

— Это соловей, — упрямо сказала Татьяна Павловна. — Его вылепил Селюженок.

При одном имени Селюженка начальник лагеря поморщился.

— Пусть он забирает своего зеленого соловья-ворону и отправляется. Завтра наш завхоз поедет в город и захватит его.

Татьяна Павловна села на стул.

— Отправить его мы еще успеем.

— Пойдите, — начальник лагеря встал со стула. — Кто, как не вы, настаивал на том, чтобы его отправить домой? Я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. И все-таки я прошу оставить Селюженка.

— Что, у него открылся талант? — спросил начальник и недоверчиво покосился на зеленого соловья.

Татьяна Павловна покачала головой.

— Таланта у него никакого. Но сегодня ночью его разбудили соловьи, и я думаю... Я обещаю вам, что он больше не утащит ни булавки.

— Педагогический опыт?

— Допустим.

Никто не заметил, что произошло с Селюженком с той ночи, когда его разбудили соловьи. Вот если бы у него изменились глаза, или нос, или уши, это бы сразу заметили. А когда меняется что-то внутри, разглядеть трудно.

По-прежнему юркий головастик носился по всему лагерю. И попрежнему в него, как копы, летели восклицательные знаки:

— Селюженок, убери ботинок с постели!

— Селюженок, не наступай на пятки!

— Селюженок, кто тебе разрешил трубить в горн!..

А малыши по-прежнему кричали ему вслед:

— Селюженок-медвежонок! Селюженок-медвежонок!

Да, собственно, ничего в нем и не изменилось, просто у человека появился в жизни интерес. Ему расхотелось тащить все, что попадает под руки. Он сбросил с себя старую, негодную шкурку и стал самим собой.

Ежедневно он приходил в художественную студию, садился за стол и лепил какие-то странные, несуразные существа, которые оказывались собаками, оленями, серенькими козликами.

...Вскоре в лагере открылась выставка работ юных художников.

Любопытные зрители толпились в художественной студии и нетерпеливо разглядывали работы своих товарищей. Никогда еще в студии не было так шумно. Здесь вспыхивали горячие споры об искусстве, и каждый отряд стоял насмерть за своих художников.

И вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, Селюженок вылепил соловья!

Это известие произвело на ребят ошеломляющее впечатление. Все сразу изменили своим любимым художникам и бросились к столу, где на фанерной подставке стояло зеленое существо с огромными крыльями. Под этим странным существом было написано: «Соловей. Вылепил Селюженок из 4-го отряда». Ребята сбились в кучу. Всем не терпелось посмотреть, что такое мог вылепить похититель пластилина.

Зрители рассматривали селюженковского соловья, как величайшее чудо, как смелое открытие, как находку далекой древности.

— Похож! — кричали одни. — Правда, похож?

— Как живой! — откликались другие.

Никто из ребят никогда не видел живого соловья, и все были убеждены, что соловей в самом деле зеленый и большекрылый. Ктото попробовал было возразить:

— Не похож. Я видел соловья.

На него обрушилось сразу несколько добровольных защитников Селюженка:

— Врешь ты все! Никто не видел соловья... кроме Селюженка.

Когда первая волна восторгов и споров улеглась, кто-то произнес:

— Говорили, что он стащил пластилин, а он соловья лепил.

Наврали на человека.

Селюженок стоял в сторонке и с удивлением слушал, что говорят ребята, и ему казалось, что речь идет не о нем, а совсем о другом Селюженке. И тот, другой, нравился ему все больше.

В эту ночь его снова разбудил соловьиный свист. Мальчик открыл глаза и долго слушал, как выводит свои серебряные трели невидимый певец. И вдруг он подумал, что нечестно слушать соловья одному. Он соскользнул с постели и одного за другим стал будить ребят:

— Слушай, вставай! Соловей поет!.. Слушай, слушай!..

Не прошло и пяти минут, как вся палата была уже на ногах.

Ребята теснились у окон и, сдерживая дыхание, слушали соловья.

Никто, естественно, не мог разглядеть в темноте поющей птицы, но все почему-то представляли себе соловья зеленым и большекрылым.

А самому Селюженку казалось, что это ожил и запел его соловей, слепленный бессонной ночью из похищенного пластилина.

!!! А. П.Платонов «Неизвестный цветок»;

Ю.Нагибин «Зимний дуб».

А.П.Платонов «Юшка» (отрывок).

— Лучше бы ты умер, Юшка, — говорила хозяйская дочь. — Зачем ты живешь?

Юшка глядел на нее с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить. — Это отец-мать меня родили, их воля была, — отвечал Юшка, — мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю. — Другой бы на твое место нашелся, помощник какой! — Меня, Даша, народ любит! Даша смеялась. — У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь — народ тебя любит!.. — Он меня без понятия любит, — говорил Юшка. — Сердце в людях бывает слепое. — Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! — произносила Даша. — Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчету. — По расчету они на меня сердчат, это правда, — соглашался Юшка. — Они мне улицей ходить не велят и тело калечат. — Эх ты, Юшка, Юшка! — вздыхала Даша. — А ты ведь, отец говорил, нестарый еще! — Какой я старый!..

Я грудью с детства страдаю, это я от болезни на вид оплошал и старым стал... По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц.

Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились. Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живет вдовая сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что идет в деревню, а в иной, что в самоё Москву. А люди думали, что в дальней деревне живет Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июне или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел на белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бормочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга — чахотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтоб они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве веселые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнущих влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув, отдышавшись в поле, он не помнил более о болезни и шел весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим. И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал, — об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его. Юшка смирно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому. Но год от году Юшка все более слабел, потому шло и проходило время его жизни и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошел. Он брел, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Веселый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним: — Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться... И здесь Юшка осерчал в ответ — должно быть, первый раз в жизни. — А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...

В.Астафьев «Хвостик».

Смеется, заливается, хохочет мальчик... Овсянский остров напоминал когда-то голову — туповатую с затылка и заостренную, чубатую со лба. В любое время года была та голова в окладе венца — бледная зимняя плешь обметана чернолесьем; весной плешь острова нечесано путалась серо-свлявшейся отавой, взятой в кольцо багряно-мерцающих тальников, которые не по дням, а по часам погружались в глубину вспененного черемушника. Пока черемуха кружилась, метелила по берегам острова, в середине его вспыхивала и, стряхнув в себя рыхлый цвет, оробело останавливалась прибрежная гуща, утихали листом тальники, ольхи, вербы, черемухи, отгородившись от пожара полосой небоязного к огню смородинника...

В осени мягкий лист кустарников бронзовел, и выкошенный, чистый остров в ровной стрижке зеленой отавы победно возносил мачту над высоким стогом сена. И всю-то зимушку покрыто было боязливое темечко земли пухлой шапкой сена, и серебряно звенел венец, надетый на чело острова. Желтая птица кружилась и кружилась над зимним стогом. Ветер с Енисея гнал ее встречь бурям, и алым флагом вспыхивало крыло высокой птицы под широкой зарею в часы предвечерья.

Гидростанция зарегулировала реку, откатилась вода, и стал Овсянский остров полуостровом. Захудала на нем некошенная трава, усохли кустарники. По оголившейся отного и пологим берегам налет зеленого помета — цветет малопроточная вода. Перестала цвести и рожать черемуха, обуглились, почернели ее ветви и стволы; не полыхают более цветы — они вытоптаны или вырваны с корнем. Лишь живучий курослеп сорит еще желтой перхотью средь лета, да жалица и колючий бурьян растут по оподолью бывшего острова.

Прежде были в заречье деревенские покосы и пашни, но где они были — уже не найти. Нынче сооружен здесь деревянный причал. Валом валят на эти берега хозяйственные дачники, чтобы холить на личных огородах и в теплицах редкую овощь, цветы, ягоды. В субботу и воскресенье — пароход за пароходом, теплоход за теплоходом, катер за катером, «Ракета» за «Ракетой» прилипают к причалу и выделяют из себя жизнерадостный народ.

Под бравую песню «То ли еще будет...» расползаются они по затоптанному клочку земли, глядя на который еще раз убеждаешься, что в смысле выделения мусора и нечистот никто сравниться с высшим существом не может — ни птица, ни зверь... Берега и поляны в стекле, жести, бумаге, полиэтилене — гуляки жгут костры, пьют, жуют, бьют, ломают, гадят, и никто, никто не прибирает за собою, да и в голову такое не приходит — ведь они приехали отдыхать от трудов.

Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растет на ней, то растет в заглушь, украдкой, растет кривобоко — изуродованное, пораненное, битое, обожженное...

Хохочет мальчик на берегу. Увидел что-то не просто смешное, а потешное, вот и хохочет.

Подхожу, обнаруживаю: возле вчерашнего, воскресного кострища, среди объедков и битого стекла, стоит узкая консервная баночка, а из нее торчит хвостик суслика, и скрюченные задние лапки. И не просто так стоит банка с наклейкой, на которой красуется слово «Мясо», на газете стоит, и не просто на газете, а на развороте ее, где крупно, во всю полосу нарисована художником шапка: «В защиту природы...»

Шапка подчеркнута не то красным ломаным карандашом, не то губной помадой, через всю полосу шатающиеся, промоклые красные буквы, из них составлено слово: «Отклик».

— Что же ты смеешься, мальчик?!

— Хво... хво... хвостик!

Да, хвостик суслика смешон — напоминает он ржаной колосок, из которого выбито ветром зерно, жалкий, редкостный хвостик — не сеют нынче в заречье хлеба. Дачными ягодами суслику не прожить, вот с голоду и подался крошки по берегу подбирать, тут его поймали веселые гуляки и засунули в банку, судя по царапинам на обертке, засунули живого. И «отклик» на газете, догадываюсь я, написан не карандашом, а кровью зверушки.

В.Астафьев «Костер возле речки».

Все-таки я встретил тех, кто не только сорит, но и убирает.

Нет, не на родине встретил, не в Сибири. В Подмоскovie встретил.

Ехал из аэропорта Домодедово и возле березовой рощи увидел седого, легко одетого мужчину с полиэтиленовым мешком, в резиновых перчатках, и женщину, одетую в спортивные штаны, в рубашку мужского покроя, тоже в перчатках и тоже с мешком.

Они неторопливо двигались по опушке рощи, о чем-то беседуя, время от времени наклонялись и складывали в мешок бумагу, коробки от сигарет и папирос, фольгу, обрывки полиэтилена, окурки, раскисшие куски хлеба, старые обутки, лоскуты — все, чем сорит вокруг себя человек.

— Видал чокнутых? — почему-то со злобой воскликнул шофер-таксист, везший меня в Москву. Я поглядел на него вопросительно. — Академик с бабой своей. Дача у них тут недалеко. Как идут на прогулку, прихватывают с собой мешки и лопату. Какой мусор приберут, так сожгут возле речки, чё где

выправят, чё где закопают. Цветки рвать не дают, прямо за грудки берут, и-иы-ди-и-о-оты-ы. Да разве за нами, за поганцами, все приберешь? И-и-ы-ы-ди-и-о-о-оты-ы-ы!..

Он резко крутанул руль. Двое пожилых людей исчезли за поворотом.

...Всякий раз, как еду в аэропорт Домодедово и вижу дымок костерка над речкой Пахрой, с тихой радостью думаю: это они, терпеливые люди, делают посильную добровольную работу, так необходимую уставшей земле, — жгут мусор возле речки.